

АКАДЕМИЯ НАУК РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН
МАРИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

ПОВОЛЖСКАЯ
АРХЕОЛОГИЯ

№ 1 (11)

2015

Главный редактор

Член-корреспондент АН РТ Ф.Ш. Хузин

Заместители главного редактора:

доктор исторических наук А.Г. Ситдиков

доктор исторических наук Ю.А. Зеленев

Ответственный секретарь — кандидат ветеринарных наук Г.Ш. Асылгараева

Редакционный совет:

Р.С. Хакимов — вице-президент АН РТ (Казань, Россия) (председатель)

Х.А. Амирханов — член-корреспондент РАН, доктор исторических наук, профессор (Махачкала, Россия)

И. Бальдауф — доктор наук, профессор (Берлин, Германия)

П. Георгиев — доктор наук, доцент (Шумен, Болгария)

Е.П. Казаков — доктор исторических наук (Казань, Россия)

Н.Н. Крадин — член-корреспондент РАН, доктор исторических наук, профессор (Владивосток, Россия)

А. Тюрк — PhD (Будапешт, Венгрия)

И. Фодор — доктор исторических наук, профессор (Будапешт, Венгрия)

В.Л. Янин — академик РАН, доктор исторических наук профессор (Москва, Россия)

Редакционная коллегия:

А.А. Выборнов — доктор исторических наук, профессор (Самара, Россия)

М.Ш. Галимова — кандидат исторических наук (Казань, Россия)

Р.Д. Голдина — доктор исторических наук, профессор (Ижевск, Россия)

И.Л. Измайлов — кандидат исторических наук (Казань, Россия)

С.В. Кузьминых — кандидат исторических наук (Москва, Россия)

А.Е. Леонтьев — доктор исторических наук (Москва, Россия)

Т.Б. Никитина — доктор исторических наук (Йошкар-Ола, Россия)

Ответственный за выпуск:

Б.Л. Хамидуллин — кандидат исторических наук (Казань, Россия)

Адрес редакции:

420012 г. Казань, ул. Бултерова, 30

Телефон: (843) 236-55-42

E-mail: arch.pov@mail.ru

<http://archaeologie.pro>

Индекс 31965, каталог «ПОЧТА РОССИИ»

Выходит 4 раза в год

© Академия наук Республики Татарстан», 2015

© ФГБОУ ВО «Марийский государственный университет», 2015

© Журнал «Поволжская археология», 2015

Editor-in-Chief:

Corresponding Member of the Tatarstan Academy of Sciences **F.Sh. Khuzin**

Deputy Chief Editors:

Doctor of Historical Sciences **A.G. Sitdikov**

Doctor of Historical Sciences **Yu.A. Zeleneev**

Executive Secretary — Candidate of Veterinary Sciences **G.Sh. Asylgaraeva**

Executive Editors:

R.S. Khakimov — Vice-Chairman of the Tatarstan Academy of Sciences (Institute of History named after Shigabuddin Mardzhani, Tatarstan Academy of Sciences, Kazan, Russian Federation) (chairman)

Kh.A. Amirkhanov — Doctor of Historical Sciences, Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences (Dagestan Regional Center of the Russian Academy of Sciences, Makhachkala, Russian Federation)

I. Baldauf — Doctor Habilitat, Professor (Humboldt-Universität zu Berlin, Berlin, Germany)

P. Georgiev — Doctor of Historical Sciences (National Archeological Institute with Museum, Bulgarian Academy of Sciences, Shumen Branch, Shumen, Bulgaria)

E.P. Kazakov — Doctor of Historical Sciences (Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Kazan, Russian Federation)

N.N. Kradin — Doctor of Historical Sciences, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences (Institute of History, Archaeology and Ethnology, Far East Branch of the Russian Academy of Sciences, Vladivostok, Russian Federation)

A. Türk — PhD (Institute of History, Research Centre for the Humanities, Hungarian Academy of Sciences, Budapest, Hungary)

I. Fodor — Doctor (Hungarian National Museum, Budapest, Hungary)

V.L. Yanin — Doctor of Historical Sciences, Professor, Academician of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation)

Editorial Board:

A.A. Vybornov — Doctor of Historical Sciences, Professor (Samara State Academy of Social Sciences and Humanities, Samara, Russian Federation)

M.Sh. Galimova — Candidate of Historical Sciences (Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Kazan, Russian Federation)

R.D. Goldina — Doctor of Historical Sciences, Professor (Udmurt State University, Izhevsk, Russian Federation)

I.L. Izmaylov — Candidate of Historical Sciences (Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Kazan, Russian Federation)

S.V. Kuz'minykh — Candidate of Historical Sciences (Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation)

A.E. Leont'ev — Doctor of Historical Sciences (Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation)

T.B. Nikitina — Doctor of Historical Sciences (V.M. Vasilyev Mari Research Institute of Language, Literature and History, Yoshkar-Ola, Russian Federation)

Responsible for Issue — Candidate of Historical Sciences **B.L. Khamidullin**

Editorial Office Address:

Butlerov St., 30, Kazan, 420012, Republic of Tatarstan, Russian Federation

Telephone: (843) 236-55-42

E-mail: arch.pov@mail.ru

http://archaeologic.pro

© Tatarstan Academy of Sciences (TAS), 2015

© Mari State University, 2015

© "Povolzhskaya Arkheologiya" Journal, 2015

СОДЕРЖАНИЕ

Статьи

<i>Флёров В.С.</i> Цимлянский комплекс хазарского времени на Нижнем Дону.....	4
<i>Токаренко С.Ф., Ребров А.Ю.</i> Технология изготовления строительной керамики в Хазарском каганате.....	40
<i>Расторопов А.В.</i> Вопросы ранней этнической истории венгров-мадьяр.....	70
<i>Христова М.</i> Керамика из биритуальных могильников Нижнего Дуная и вопросы ее хронологии.....	91
<i>Пономаренко Е.В., Пономаренко Д.С., Сташенков Д.А., Кочкина А.Ф.</i> Подходы к реконструкции динамики заселения территории по почвенным признакам.....	126
<i>Семькин Ю.А.</i> Сырьевые источники металлургии железа древности и средневековья в Волго-Свияжском междуречье.....	161
<i>Винничек В.А., Киреева К.М.</i> Итоги археологических исследований Зареченского 1 селища в 2013 – 2014 гг.....	179
<i>Массалитина Г.А., Болдин И.В.</i> Летописный Козельск. Проблемы и этапы археологического исследования.....	198
<i>Кузьминых С.В., Смирнов А.С.</i> Археология в Северо-Восточном археологическом и этнографическом институте.....	214

Хроника

<i>Ситдииков А.Г., Шакиров З.Г., Каримов И.Р.</i> Об основных итогах научной деятельности Института археологии им. А.Х. Халикова Академии наук Татарстана в 2014 году.....	241
<i>Соловьев Б.С.</i> Валерию Валентиновичу Никитину – 75 лет.....	260
<i>Каримов И.Р.</i> К юбилею А.М. Губайдуллина.....	265
<i>Измайлов И.Л.</i> Памяти Михаила Викторовича Горелика (1946–2015).....	271
Список сокращений.....	281
Правила для авторов.....	284

CONTENTS

ARTICLES

<i>Flyorov V. S.</i> The Tsymlyansk complex of Khazar time on the Lower Don	4
<i>Tokarenko S.F., Rebrov A. Yu.</i> Manufacturing technology of building ceramics in Khazar khaganate. Reconstruction experience	40
<i>Rastoropov A.V.</i> Issues of early ethnic history of the Hungarians-Magyars	70
<i>Khristova M.</i> Ceramics from bi-ritual burials grounds on the Lower Danube and issues of its chronology	91
<i>Ponomarenko E.V., Ponomarenko D.S. Stashenkov D.A., Kochkina A.F.</i> Approaches to the reconstruction of dynamic of the territory occupation according to the soil signs	126
<i>Semykin Yu.A.</i> Raw material sources for iron metallurgy in Prehistory and Middle Ages in the Volga-Sviyaga interfluve area	161
<i>Vinnichuk V.A., Kireeva K.M.</i> Results of the archeological investigations of settlement Zarechenskoe 1 in 2013–2014	179
<i>Massalitina G.A., Boldin I.V.</i> Chronicle Kozelsk. Issues and stages of archaeological investigation	198
<i>Kuz'minykh S.V., Smirnov A.S.</i> Archaeology in the North-Eastern Archaeological and Ethnographic Institute	214

CRONICLE

<i>Sitdikov A.G., Shakirov Z.G., Karimov I.R.</i> On the main results of scientific activities in 2014 by the Institute of Archaeology named after A.Kh. Khalikov of Tatarstan Academy of Sciences.	241
<i>Soloviev B.S.</i> To Valery Valentinovich Nikitin's 75th anniversary	260
<i>Karimov I.R.</i> To A.M. Gubaydullin's jubilee	265
<i>Izmailov I.L.</i> To the memory of Mikhail Viktorovich Gorelik (1946-2015)	271
List of abbreviations	281
Submissions	284

УДК 904

ВОПРОСЫ РАННЕЙ ЭТНИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ ВЕНГРОВ-МАДЬЯР

© 2015 г. А.В. Расторопов

Рассматриваются вопросы ранней этнической истории венгров до обретения ими родины в Подунавье, по данным археологических и письменных источников и лингвистических исследований. Этническое ядро мадьяр (протомадьяр) сформировалось в лесостепи Тоболо-Иртышья в рамках саргатской археологической общности. После ее распада во второй четверти I тысячелетия часть ее населения в составе гуннской орды оказалась на юге Восточной Европы, другая часть, смешавшись в пограничной зоне с лесным населением, образовала близкородственные этнокультурные группы. В письменных источниках непосредственные предки мадьяр фиксируются как савиры (савыры, саварты). Они впервые упоминаются в сочинениях византийских писателей после распада гуннского этнополитического объединения в середине V в. Савиры локализовались на территории Волго-Донского междуречья, они находились под эгидой Хазарского каганата со времени его создания в середине VII в. и до вторжения печенегов из степного Заволжья в конце IX в. Затем они разделились на две части, и одна часть савиров, возглавляемая мадьярами, переселилась в Северное Причерноморье, а вскоре в Паннонию. Близкородственные им группы населения, оставившие памятники кушнаренокского типа во второй половине VI в. и памятники караякуповского типа во второй половине VIII в., переселились из Зауралья в Волго-Уралье. В конечном итоге они смешались и растворились в инокультурной среде, так же как и родственное им население бакальской культуры в южной лесостепи Зауралья.

Ключевые слова: археология, лесостепное Тоболо-Иртышье, саргатская археологическая общность, Волго-Уральский регион, Волго-Донское междуречье, Хазарский каганат, савиры, мадьяры, гунны, тюрки, башкиры.

Вопросы ранней этнической истории венгров до «обретения Родины» в Подунавье на рубеже IX–X вв. решаются гипотетически из-за недостаточности, малой информативности и неопределенности письменных источников. По ним существует разнообразный спектр мнений. В среде лингвистов по-прежнему являются дискуссионными даты распада языков: финно-угорского и угорского (Шарафутдинова, 2005, с. 194). Не оспаривается мнение о более раннем выделении венгерского языка из общеугорского и наличия в нем

многочисленных иранизмов, связанных, прежде всего, с коневодческой терминологией. Археологи соотносят с ранними венграми некоторые группы археологических памятников, локализуемые преимущественно в лесостепи Волго-Уралья и Зауралья. По ранней этнической истории венгров до обретения ими «родины» в Паннонии больше вопросов, чем ответов. Формирование этнического ядра венгров, видимо, происходило в недрах саргатской археологической общности (Могильников, 1983, с. 81; Корякова, 1988, с. 169). Кон-

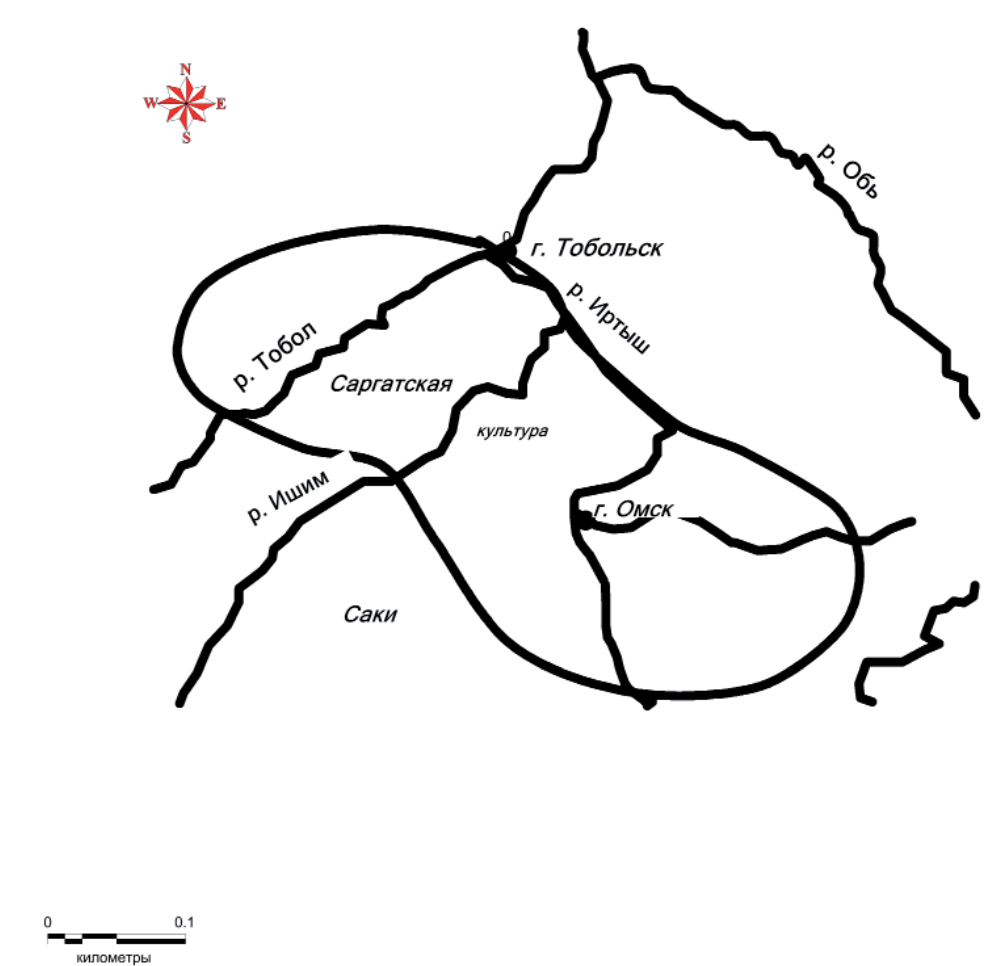

Рис. 1. Ареал саргатской культуры.

Fig. 1. The Sargat culture area.

солидация ее произошла под сильным воздействием степного кочевого ираноязычного населения на основе местного лесостепного населения Тоболо-Иртышья к концу V–IV вв. до н.э. (Зах, Цембалюк, 2014, с. 89–95). Распад саргатской археологической общности, вероятно, соотносится с приходом гуннов в лесостепное Зауралье на территорию Тоболо-Иртышья и приходится на вторую четверть I тысячелетия н.э. Видимо, правы те исследователи, которые считают, что в гуннское этнополитическое объединение было включено его угорское

население. В Прикамье, в бассейне р. Сылвы, мигрировала та часть населения саргатской общности, которая по каким-то причинам не вошла в гуннское этнополитическое объединение. Она мигрировала в сходную природно-географическую среду – в Кунгурскую лесостепь. Р.Д. Голдина предполагает путь миграции этого населения через Уральские горы. Как она считает, туда мигрировал западный вариант саргатской археологической общности, занимавший бассейн Тобола, расположенный недалеко от Уральского хребта. Истоки левобере-

режных притоков Тобола – Исети, Пышмы очень близко подходят к истокам Чусовой и Сылвы, которые пересекают Уральские горы в широтном направлении. Они всегда являлись наиболее легким путем из Сибири в Приуралье. Помимо трех скопленных археологических памятников этого населения в бассейне Сылвы, Р.Д. Голдина отмечает одно скопление на левобережье Камы южнее г. Перми, а другое – на ее правобережье севернее Перми. Приход новых групп населения в Прикамье из-за Урала определяется концом IV в. н.э. (Голдина, 2006, с. 284–285).

Движение орды, возглавляемой гуннами, на запад привело к новым этническим перемещениям, которые перекроили кардинально всю этнокультурную карту Юго-Восточной Европы. Анализ письменных источников А.П. Новосельцевым привел его к выводу о том, что угры шли на запад, теснимые тюрками, которые вкрапливались в племенные союзы, где главную роль играли угры. Преобладание тюрков над уграми шло по нарастающей во второй половине I тысячелетия (Новосельцев, 1990, с. 72). Движение гуннской орды к Волге проходило, вероятно, по степи, но вблизи ее границы с лесостепью. На территории лесостепной Башкирии была выявлена группа поселений с керамикой позднесаргатского облика. Она была выделена В.Ф. Генингом как керамика чермосанского типа. Ближайшие аналогии ей находились в памятниках лесостепи Зауралья, в Притоболье и Поишимье (Генинг, 1971, с. 51, 53; с. 49, рис. 1). Эта цепочка памятников с керамикой позднесаргатского облика находит продолжение у левого притока Волги р. Большой Черамшан,

где на Пролетарском городище обнаружена керамика подобного типа. По находке бронзовой пряжки время бытования данного комплекса определяется концом IV – первой половиной V в. (Сташенков, 1999, с. 210–211; 2007, с. 21–22). Необходимо отметить, что эта река на протяжении ряда эпох, со времени становления кочевого хозяйства в степи, как бы маркировала границу между кочевым и оседлым населением. Южнее ее, на прилегающей к степи лесостепной территории, люди почти не селились, так как она являлась как бы «зоной, опасной для жизни». Возможно, часть населения саргатской археологической общности отпочковалась от основной орды, не желая продолжать движение с ней далее, вернувшись к прежнему образу жизни в родной природно-географической среде обитания.

В хрониках Венгерского королевства нашли отражение народные предания о происхождении мадьяр. Наименьшие искажения, по мнению В.П. Шушарина, имеет текст «О деяниях гуннов» в сочинении Шимона де Кезаи. Согласно этой легенде, «Хунор» и «Мадьяр» являются братьями от единых отца и матери, в то время как у отца от других жен тоже были дети. Так как они были старшими, то с разрешения отца поселились в отдельных шатрах в болотистой «Меотиде», недалеко от их родины Персии. После пяти лет жизни, на шестой год, они вышли оттуда и наткнулись на шатры детей и жен сыновей Белара, оставшихся без мужей. Они быстро их увели вместе с добром в болота «Меотиды», также схватили двух дочерей князя аланов Дулы, взяв их в жены. От этих женщин ведут происхождение все гунны. Шимон де Кезаи

в своем сочинении обосновывал тождество мадьяр и гуннов (Шушарин, 1997, с. 199). Ученый усматривает в имени «Хунор» название оногуров. Их локализуют в Приазовье («Меотиде» в античных и раннесредневековых источниках). Поэтому нет ничего удивительного в том, что в легенде под именем «хунор» скрываются гунны (хунны в китайских источниках). Весь смысл легенды в том, что предки мадьяр были наиболее родственны и близки именно гуннам. После распада гуннской державы в середине V в. исторические хроники запестрели названиями ранее неизвестных народов. Они восходят к наименованию огур: утигуры, кутригуры, оногуры, сарагуры, которые являлись, видимо, родственными родоплеменными подразделениями. Тогда же становятся известны болгары и савиры. Все они кочевали в Северном Причерноморье и Предкавказье. После возвышения хазар и установления их политического господства в середине VII в. на этой территории, названия этих народов исчезают из письменных источников. Предки мадьяр могли иметь контакты как с болгарами, так и с аланами. Известно, что гунны, разгромив алан в Предкавказье, часть их увлекли с собой на запад. Болгары, видимо, входили в гуннский союз племен, и контакты предков мадьяр с ними могли тогда иметь место. Но они могли быть как с болгарами, так и с аланами и после распада гуннского политического объединения. Оногуры появились впервые в письменных источниках под 463 г., т.е. после распада гуннского этнополитического объединения. После образования Хазарского каганата они оказались в политической зависимости от него, проживая там же

в Приазовье. Венграм было присвоено их имя вследствие их совместного проживания там со второй половины V в. до середины VII в. Именно тогда был создан миф о «Хуноре и Мадьяре». От названия оногуров у славян возник этникон мадьяр «угры» от «онгре», хотя у них были разные самоназвания (Шушарин, 1997, с. 200). По мнению Р.А. Агеевой, анты (они были западными соседями оногуров) перенесли имя «оногуры» на венгров. В западноевропейские языки их название попало из латинского «hungarus» со вставным начальным «h». Современное русское название «венгры» пришло из польского языка: польское «wegier» (Агеева, 1990, с. 66).

Распад саргатской археологической общности приводит к появлению новых этнокультурных групп в Тоболо-Иртыше. В их формировании с разной долей участия принимало лесостепное и таежное население. Проблемой много лет является вопрос культурно-хронологического соотношения археологических комплексов саргатской и бакальской культур. Полученные радиоуглеродные даты по бакальским комплексам удревняют их до I–II вв. н.э. Они синхронизируются с позднесаргатскими (Боталов и др., 2008, с. 35; Епимахов, 2008, с. 42–43; Зах, 2009, с. 67; Зах, Зимица, Рябогина, 2011, с. 227). Бакальская культура в большей степени наследует саргатские традиции. На основе смещения лесного и лесостепного населения в Зауралье во второй четверти I тысячелетия происходит формирование археологических памятников батырского, кушнаренковского, каракуповского типов и потчевашской культуры. Посуда памятников кушнаренковского типа по своей форме

наследует традиции саргатской археологической общности, а по орнаменту – карымского этапа обь-иртышской археологической общности. Она зафиксирована на ряде памятников лесостепного Зауралья и Прииртышья, в том числе в Козловском могильнике IV–VI вв. на Андреевском озере. Ее нет в материалах Перейминского могильника VII–IX вв., расположенного там же. В Козловском могильнике кроме кушнаренковских сосудов обнаружена посуда караякуповского типа памятников. В формировании его населения большую роль сыграло лесостепное население, чем лесное, передав ему, кроме форм сосудов, минимализм в декоре. В Перейминском могильнике в двух погребениях присутствует посуда, отражающая смешение традиций населения караякуповского типа памятников с носителями формирующейся юдинской культуры, о чем свидетельствуют шнуровые налесты по горловине (Рафикова, 2014, с. 115–117). В научной литературе за памятниками, которые отражают такое смешение традиций в VII–VIII вв. н.э. закрепилось название «батырско-го типа». Приток населения с традицией орнаментации шнуром с лесного Урала по Туре и Тавде продолжался и позднее. Его смешение с лесным населением в IX–X вв. приводит к появлению памятников молчановского типа и впоследствии юдинской культуры. Видимо, большая часть населения кушнаренковского типа в конце VI в. и караякуповского типа памятников в середине VIII в. мигрировала с территории лесостепного Притоболья в связи с его притоком туда. Население потчевашской культуры, вероятно, при своем формировании испытало меньшее воздействие саргатской ар-

хеологической общности в лесной зоне и большее в лесостепи. Само выделение памятников потчевашской культуры имеет проблематичный характер, так как трудно провести грань между ними и обь-иртышской археологической общностью в лесной зоне и кушнаренковскими – в лесостепи. Население же бакальской культуры, которое не мигрировало и не испытало воздействия лесного населения, видимо, почти полностью наследовало традиции саргатской археологической общности. Оно в основном сосредоточено было в южной лесостепи Притоболья в бассейне Исети и Пышмы и продолжало проживать там до монгольского нашествия. В конечном итоге оно растворилось в среде тюркоязычного населения.

Наиболее ранние достоверные письменные сведения о венграх в Восточной Европе содержатся в сочинении арабо-персидского географа Ибн Русте и относятся к 70-м годам IX в. Сам он почерпнул сведения из не дошедшего до нас произведения другого арабского автора ал-Джайхани. Самоназвание венгров «мадьяр» было известно арабам. В сочинении Ибн Русте они обозначены в арабской графике как «м.дж.г.р.». В.Г. Шушарин, вслед за венгерским ученым Д. Дьерффи, озвучивает его как «моджгери» (Шушарин, 1997, с. 106). Существование самоназвания у венгров – свидетельство сложившейся этносоциальной общности у них к 70-м годам IX в. Время возникновения ее из-за отсутствия письменных свидетельств неопределенно. Вполне возможно, что она в основе своей сложилась в рамках саргатской археологической общности за более пятисотлетний период ее существования.

Важным источником по ранней этнической истории венгров является сочинение Константина Багрянородного «Об управлении империей» с комментариями В.П. Шушарина. В главе 37 есть сообщение об изгнании венгров-мадьяр со своих земель печенегами, которые вскоре сами были вытеснены со своих кочевий гузами, вошедшими в союз с хазарами (Багрянородный, 1991, с. 155). До этого печенеги кочевали в заволжских степях. Это событие произошло лет за 50 до написания им своего трактата, т.е. в самом конце IX в. Проблемой является определение территории размещения кочевий мадьяр до этого события. Арабо-персидские источники X в. свидетельствуют, что печенеги после войны с хазарами и узами завоевали земли «между хазарами и Румом» (Византией), отрезав эти земли от владений русов. Они подтверждаются русской летописью. Скорее, печенеги напали на тех мадьяр, которые обитали между Волгой и Доном. Багрянородный указывает на две области, где проживали мадьяры в Восточной Европе: Леведия и Ателькузу. В.П. Шушарин считает, что критически следует относиться к сообщению венгров о трех годах совместного проживания с хазарами. Их информаторы, таким образом, пытались внушить византийцам мысль о своей независимости от хазар (Шушарин, 1997, с. 144). После поражения от печенегов они разделились. Как сообщает Константин Багрянородный, одна часть поселилась к востоку, в краях Персии, они и ныне по древнему их прозвищу называются савартами – асфалами, а вторая часть поселилась в западном краю вместе с их воеводой и вождем Леведией, в местах именуемых Атель-

кузу (Багрянородный, с.160–161). Иштван Зимони, рассуждая о разных вариантах сведений ал-Джайхани и его последователей, пишет, что одна из границ венгров (мадьяр) находилась у моря Рум (Черного), и в него впадают две реки, на берегах которых располагаются их жилища. Большая река называется «Этил». Она течет со стороны славян и хазар. Другая река «Дуба» (Дунай) на берегу которой живут «нандуры» (дунайские болгары). Иштван Зимони полагает, что идентификация «Этил» с Волгой сомнительна, так как она впадает в Хазарское (Каспийское) море, а в данном случае под Этилем можно можно подразумевать р. Дон, так как она действительно впадает в море «Рум». В средневековой мусульманской литературной традиции (наследие античности) Волга и Дон воспринимаются как одна река с двумя устьями. Название Этелкёз в старовенгерском языке состоит из двух слов, где первое слово Этель/Этиль – тюркское название Волги, а второе кёз – междуречье. Оно может применяется и в нарицательном значении «вода, река» и междуречье. У Шимона де Кезай и в венгерских хрониках XIV в. слово Этиль обозначает Дон. Также была обнаружена форма «Этиль», которая относится к р. Прут. (Зимони, 2001, с. 124–126). Загадочной является география «Персии», упоминаемая в мифе о происхождении мадьяр. В области Ателькузу – искаженное название Этель и Кузу – поселились мадьяры после Леведии. Исследователями не оспаривается мнение, что Леведией является территория между реками Серетом и Днестром в Северном Причерноморье. Информаторы-венгры сообщили византийцам, что они вынуждены были

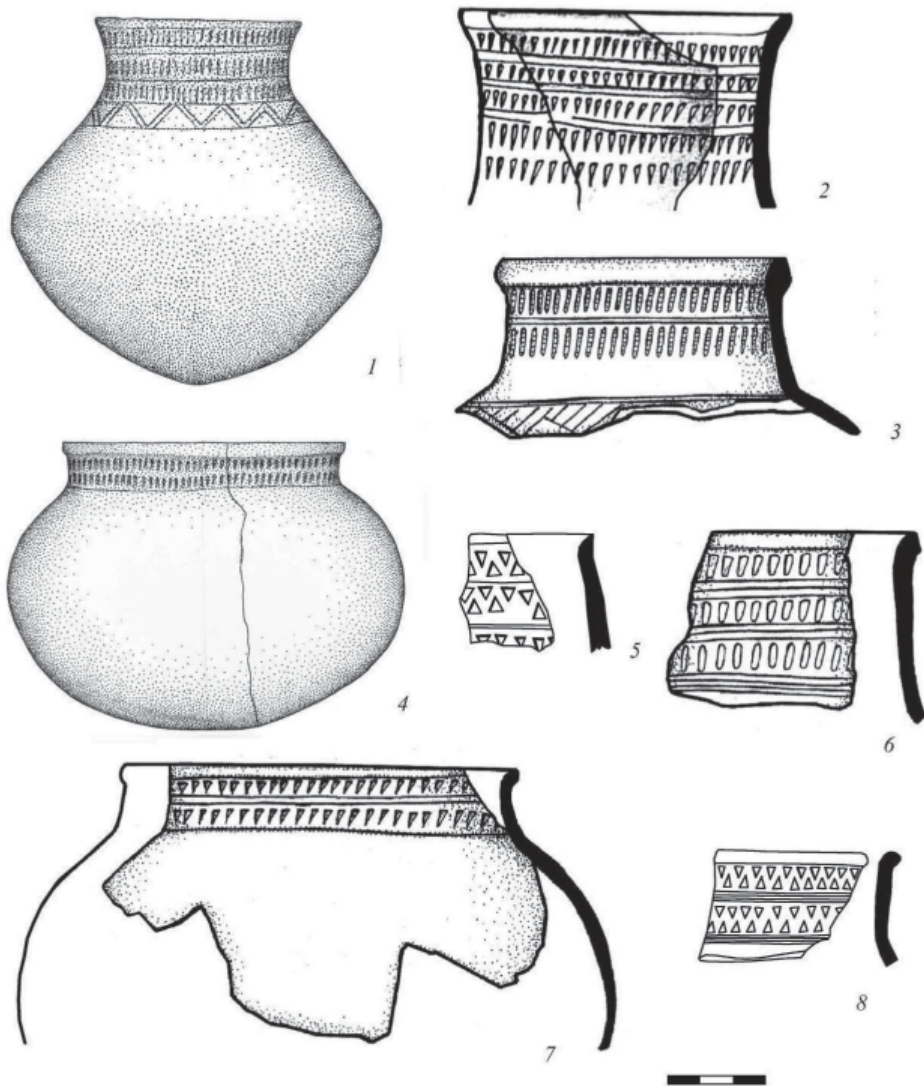

Рис. 2. Керамика кушнарнковского типа памятников.
 Fig. 2. Pottery from the Kushnarenkovo-type sites (after Т.Н. Рафиковой).

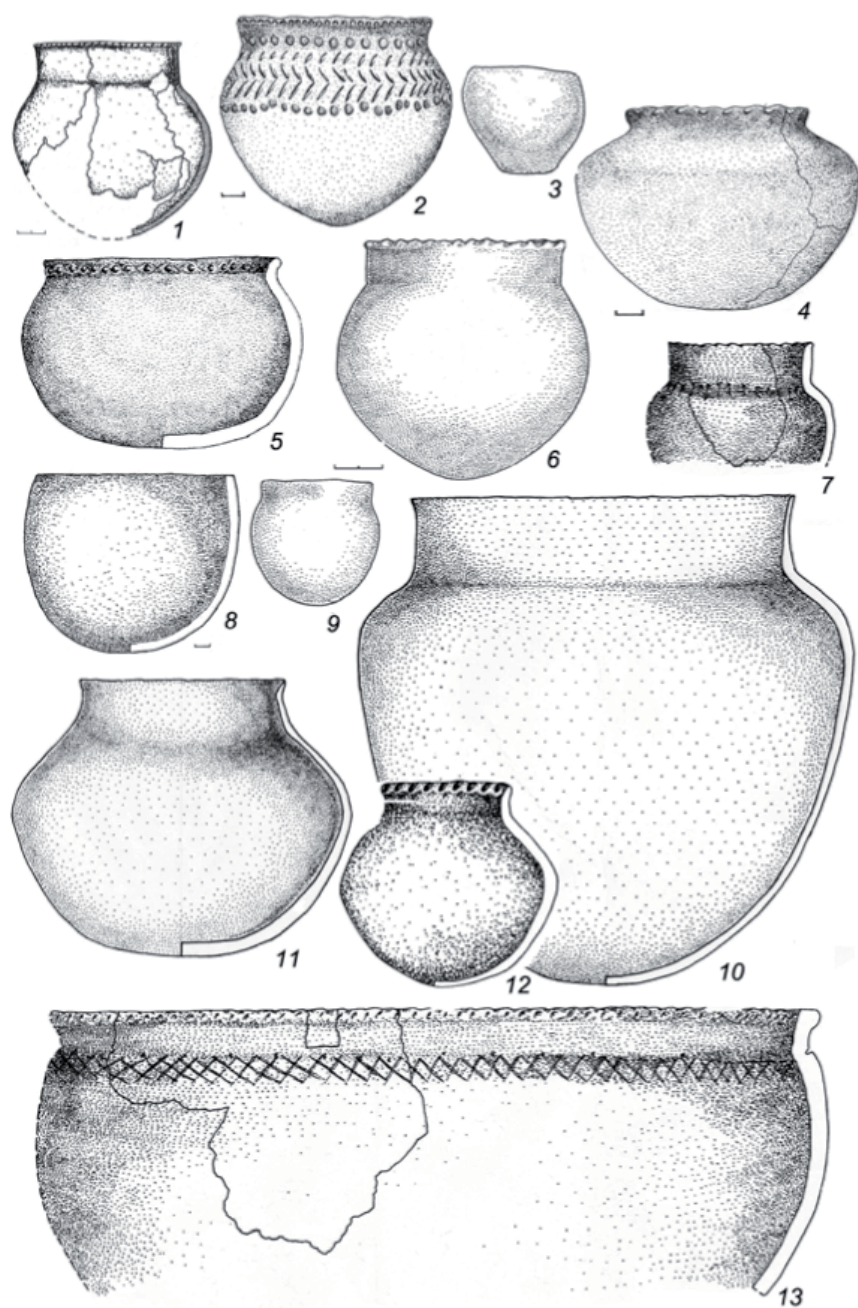

Рис. 3. Керамика бакальской культуры.

Fig. 3. Bakal culture pottery (after Matveeva N.P., Kobeleva L.S. 2013 – № 3(22). – Fig. 1).

покинуть Ателькузу после разорения ее печенегами, пока основное войско воевало с болгарам за Дунаем. В.П. Шушарин считает эту информацию ложной. Мадыяры после нескольких побед потерпели поражение от болгар, а семьи их не подверглись нападению печенегов в Ателькузу. Они изменили несколько трактовок, невыгодных для себя, в изложении войны Багрянородным. Мадыяры заменили поражение в открытом бою от болгар разгромом части войска, охранявшего их стоянки, и истреблением семей с детьми печенегами, то есть стали жертвами коварства. В Трансильвании после ухода из «Ателькузу» они построили семь крепостей для своих жен и детей, против уничтожения их семей свидетельствуют данные археологии и антропологии (там же, с. 180). К тому же остеологические данные свидетельствуют, что мадыяры прибыли на новую родину со стадами коней и крупного рогатого скота (там же, с.101). Устное мадыярское предание хранило память о целом хазарском периоде в истории мадыяр (Шушарин, 1997, с. 154). А.П. Новосельцев отводит им главную роль в этногенезе хазар, которых тюрки называли сабирами. По его мнению, сабиры появились в Европе в составе гуннов или позднее под давлением каких-то врагов из Сибири. От них и произошло название хазар «белые сабиры» (Новосельцев, 1990, с. 80–82).

Если рассматривать ранний этап венгерской истории сквозь призму археологических источников, то интерес представляет выделение Е.В. Кругловым группы захоронений в памятниках авиловского типа в Нижнем Поволжье. Первоначально он их «распространял» на север, почти

до широты Самарской Луки на Волге, и датировал концом VII – началом IX в., полагая их сосуществование с группой памятников салтово-маяцкой культуры, которые он интерпретирует как собственно хазарские. В то же время, по его мнению, памятники II (гуннская эпоха) и III (эпоха тюркских каганатов) стилистических групп эпохи переселения народов, по А.К. Амброзу, очень близки авиловским. Все три группы памятников могли быть оставлены в разные исторические эпохи населением общего происхождения. Он отметил близость их погребального обряда главным образом ранневенгерским захоронениям в Подунавье периода «обретения Родины» и кушнаренковско-караякуповским в Приуралье и Прикамье, и пришел к заключению о полуоседлом, пастушеско-скотоводческом хозяйстве племен, оставивших эти захоронения. В начале IX в. они были вытеснены в ходе миграции печенегов из Заволжья. (Круглов, 1990, с. 46–50). Вскоре он скорректировал свое мнение по поводу памятников авиловского типа. Их исчезновение он отнес уже к рубежу VII–VIII вв. и считал, что его население, видимо, оказалось инкорпорировано частично в состав собственно хазарского кочевого общества. Именно этой причиной, на его взгляд, объясняется относительное своеобразие «восточной» группы хазарских памятников VIII–IX вв. в сравнении их с «западной», нижнедонской группой. Результатом этих событий стало появление в VIII в. в калмыцко-астраханских степях подкурганых захоронений салтово-маяцкой культуры. Они сочетали одновременно элементы авиловской (угорской – сложенных шкур жертвенных животных) и соб-

ственно хазарской (общетюркской – целых остовов или имитирующих их растянутых шкур) погребальных обрядностей (Круглов, 1992, с. 35–36). Можно предположить, что это и есть «саварты» письменных источников. В этом смысле интерес представляет II Большеатарханский могильник второй половины VIII–IX вв на правом берегу Волги на границе Татарстана с Ульяновской областью. В нем выявлены два типа захоронений, один из них был соотнесен с болгарами, другой В.Ф. Генинг соотнес с уграми. Он видел истоки его традиций в населении саргатской археологической общности. Его посуда по форме и орнаментации восходит к ней (Генинг, Халиков, 1964, с. 28; с. 139, табл. VIII). Не позднее IX в., наряду с болгарами, савиры («с-в-р» арабских авторов) мигрировали в Среднее Поволжье. Этим смешанным населением, возможно, и оставлен данный могильник. Этноним «сувар» имело племенное объединение, которое участвовало в формировании населения Волжской Булгарии.

Р.Г. Кузеев обосновывал мнение о том, что территория, откуда мадьярские племена, объединенные в союз, начали свое продвижение на запад, располагалась между Волгой и Бугульминской возвышенностью, на юго-восточной периферии Волжской Булгарии. Он их «размещает» в бассейне рек Большой Черемшан, Кондурча, Сок, Кинель. По его мнению, в пользу этого свидетельствует заимствование более 200 болгарских слов венграми (из области скотоводства, земледелия и домашнего быта). Они могли иметь место в зоне контактов болгар и венгров в районе р. Большой Черемшан и сопредельных тер-

риториях. Эти контакты он относит к VIII – началу IX в., т.е. к периоду освоения булгарами Среднего Поволжья. Зону контактов этих народов, по его мнению, невозможно распространить дальше на восток, на территорию современного Башкортостана, или в лесное Прикамье. Они находились в то время за пределами болгарского влияния. Башкирские родоплеменные группы, этнонимы которых имеют параллели у венгров (юрматы, еней, кесе, нагман, юламан, билар, юрми), в XII–XIII вв. кочевали западнее р. Большой Ик, в долинах Шешмы и Степного Зая, там, где берут начало левые притоки Волги Большой Черемшан, Кондурча и Сок, т.е. на восточной и юго-восточной периферии Волжской Булгарии. До XII в. юрматыно-юрмийские племена могли кочевать и западнее, в долинах левых притоков Волги, но не восточнее и не севернее. Это доказывается не только общим направлением движения юрматыно-юрмийских и других племен на восток и север, но и поразительным совпадением сведений территориально разбросанных в настоящее время племен «о приходе предков из Булгар» (Кузеев, 1976, с. 7–9).

Сведения о населении этой территории оставил проезжавший через нее в 922 г. в Волжскую Булгарию секретарь посольства багдадского халифа Ибн Фадлан. На пути в Булгарию посольство пересекло реки Самур (Самара), Кинал (Кинель), Сух (Сок), Кинджюлю (Кондурча) и, переплыв Джарамсан (Б. Черемшан), попало в страну болгар. Как раз на ее южном пограничье оно побывало у башкир. Переводчик и комментатор текста А.П. Ковалевский отметил, что при характеристике религиозных верова-

ний башкир Ибн Фадлан обратил внимание на существование у них как бы двух отличных друг от друга систем религиозных представлений, которые, видимо, соответствуют различным этническим группам, входившим в союз племен объединяемым этнонимом «башкир». Одни башкиры считали, что миром управляет верховный бог неба в согласии с 12 другими боже-ствами, которые ведали отдельными явлениями природы. Другие башкиры поклонялась животным. Причем каждая их группа (клан) имела тотемом свое отдельное животное. Башкир, поклонников верховного неба, А.П. Ковалевский отождествлял с тюркоязычным населением. Зато других башкир, поклонников различных видов животных, он склонен был считать угорскими племенами, родственными по языку венграм (Ковалевский, 1992, с. 78–80). Тюрколог-лингвист Н.А. Баскаков полагал, что этнонимы «бадшкорт» и «мадьяр» тождественны по происхождению от этнонима «badza ovur» – свояк угров. В соседних диалектах и наречиях звук «b» мог быть заменен на «m» при известном в тюркских и монгольских языках соответствии этих начальных букв. Изучение угорских и тюркских этнонимов раннего средневековья привело его к выводу о наличии брачных связей между разноэтничными образованиями и возникающем при этом родстве между ними (Баскаков, 1984, с. 13–17). Видимо, Ибн Фадлан, проезжая по территории Самарской области в 922 г., зафиксировал и донес до нас тот период в истории башкирского и венгерского народов, когда их предки находились в тесных родственных контактах между собой и входили в этнополитический союз племен

под единым названием. В историко-географических сочинениях с X по XIV вв., арабо-персидские авторы упорно отождествляли башкир с мадьярами. Исследователи ищут этому объяснения, выдвигая различные версии.

Путь движения мадьяр (имеется в виду население караякуповского типа памятников) с территории Южного Приуралья на запад, прослеженный В.А. Ивановым, представлен пятью захоронениями. Четыре из них выявлены вблизи и вдоль русла р. Самара: Ромашинское (Оренбургская область), 2 погребения на дюне у разъезда Немчанка (Самарская область), погребение на 116 км (в черте г. Самара) у слияния ее с Волгой. Пятое погребение (Луговское) расположено обособленно, в стороне от других на несколько сот километров, южнее г. Саратова на 75 км, на левом берегу Волги. По его мнению, там венгры переправились через нее при своем движении на запад (Иванов, 1999, с. 93–96). К этим погребениям необходимо добавить еще несколько: Палимовское – вблизи русла р. Самара (запад Оренбургской области), Лебяжинское – в низовье р. Сок, левого притока Волги, впадающего в нее севернее г. Самары (Сташенков, Турецкий, 1999, с. 289–299). А также, что немаловажно, на правом берегу Волги в глубине Самарской Луки – II Шелехметский могильник. При исследовании его Н.А. Лифановым выявлено 3 захоронения, которые он соотнес с населением караякуповского типа памятников (Лифанов, 2005, с. 73–74). Оно же жило рядом. На площади селища именьковской культуры, на территории которого возник некрополь, выявлен котлован жилища с

фрагментами посуды караякуповского типа памятников (Расторопов, 2010, с. 115–116). Она также обнаружена в комплексе к. 37 п. 1 Брусянского II могильника населения памятников новинковского типа, также на Самарской Луке (Багаутдинов, Богачев, Зубов, 1998, с. 268). Приведенные факты могут только свидетельствовать в пользу возможной переправы венгров через Волгу вблизи Самарской Луки. Погребения, отмеченные В.А. Ивановым, не могут маркировать их сквозной путь от Бугульминской возвышенности до Волги. Захоронения, обнаруженные вдоль русла Самары, возможно, частично могут проследить путь венгров с территории Зауралья в Европу в обход Бугульминской возвышенности с юга. Поселения караякуповского типа памятников на Самарской Луке есть свидетельство того, что эта излучина Волги являлась не просто «проходным двором» для него. Д.А. Сташенков собрал материалы по Самарской области, указав их близость к материалам памятников мадьярского круга, определил их бытование в пределах IX в. и сделал вывод о том, что территория Самарского Поволжья во второй половине IX – начале X в. входила в зону традиционных кочевых маршрутов мадьярских племен или родственных им угорских групп (Сташенков, 2013, с. 83–85). В лесостепной зоне Южного Урала обнаружены погребальные комплексы конца IX в., которые прослеживаются параллели с мадьярскими материалами Карпатской котловины времен «обретения Родины» (Боталов, 2013, с. 9–10). Они в какой-то мере смыкаются в широтном направлении с захоронениями, обнаруженными вдоль русла р. Самары. Население кушна-

ренковского типа памятников, близородственное по происхождению населению караякуповского типа памятников, вряд ли может рассматриваться как этнокультурный компонент венгров, оказавшихся на Дунае. После переселения из-за Урала в Южное Приуралье во второй половине VI в., оно оттуда достаточно широким фронтом продвигалось в северо-западном направлении, достигая к IX в. берегов Волги и Камы, дисперсно расселяясь среди других этнокультурных групп и перемешиваясь с ними. Это положение, скорее всего, относится и к населению Больше-Тиганского могильника, признаваемого большинством исследователей древневенгерским.

В начале 30-х годов XIII в. была организована экспедиция монахов-католиков из Венгрии с целью поиска восточных мадьяр-язычников для обращения их в христианство. Участник ее, священник Отто, нашел «в некоем царстве людей своего языка». Благодаря им, он узнал, в каких областях живут мадьяры, но до них не дошел. Следующая экспедиция венгерских монахов оказалась более успешной. Мадьяры были найдены вблизи большой реки Итиль. Монах Юлиан сообщил, что после долгих странствий он попал в крупный город Волжской Булгарии, где встретил мадьярку, которая указала ему путь в тот край, где живут венгры-язычники. Через два дня он их нашел и общался с ними на их родном языке. По описаниям Юлиана, волжские мадьяры не занимались земледелием. Основным занятием было коневодство. По преданиям, им было известно, что есть другие мадьяры, которые произошли от них, но они не знали их местонахождение. На

этой земле мадьяр Юлиан встретил татарского посла. Татарское войско было уже рядом и готовилось к нападению на Волжскую Булгарию. Это, скорее всего, было южное «подбрюшье» Волжской Булгарии. В Венгрии из-за монгольской угрозы он был вынужден возвращаться уже не южным, а иным путем. Ему пришлось плыть 15 дней по большой мордовской реке, прежде чем попасть в русские земли (Аннинский, 1940, с. 81–82).

Несколько слов по поводу расположения местности, где монах Юлиан нашел своих сородичей. Во-первых, речь идет о большой реке, а это, скорее всего Волга. Во-вторых, венгры представлены как коневоды, и южная лесостепь Средневожья для них более подходит, чем, например лесное Прикамье. В третьих, он мог плыть 15 дней по большой мордовской реке, возвращаясь домой только по р. Суре, плывя по ней вниз по течению до р. Оки. Это была, скорее всего, степь на границе с лесостепью у Волги. Под большим городом Волжской Булгарии, в который попал Юлиан, можно понимать Биляр. Но им может быть и другой большой город Волжской Булгарии на Самарской Луке Волги. Название его в письменных источниках не сохранилось. В археологической литературе он упоминается под названием «Муромский городок». К западу от Самарской Луки, за Приволжской возвышенностью на примерно одной широте с ней в Верхнем Посурье, располагался еще один локальный район Волжской Булгарии. Видимо, через него и возвращался Юлиан на родину. Вероятно, часть восточных мадьяр сохранилась и после монгольского нашествия.

Следующие сведения о пребывании венгров в Восточной Европе восходят к середине XV в. Папа Пий II беседовал с человеком, который в «Азиатской Скифии», у истоков р. Танаис (Дон), нашел людей, имеющих общий язык с мадьярами. Информатор папы хотел обратить мадьяр-язычников в католическую веру, но государь Московский не позволил этого сделать (Шушарин, 1997, с. 163). В 1483 г. они упоминаются в договорной грамоте, которой обменялись между собой великие князья Московский и Рязанский. Они отмечены как дающие ясак Касимовскому царевичу. В 1539 году в копии грамоты, данной князю Кугушеву, говорится о праве их «судить и вязать». Можары упомянуты в декларации Касимовского царевича Шигалея, данной Ивану IV в 1551 г. С примерно той же территорией связан текст документа 1575 г., где говорится о татарах «из тарханов, башкирцев, можерян» (Орлов, 1992, с. 23). По законам венгерского языка, возможны превращения этнонима «мадьяр» в «можар» (Шушарин, 1997, с. 164). Эти данные свидетельствуют о тюркизации мадьярского населения в XV–XVI вв. в регионе Среднего Поочья. Оно вошло в состав формирующейся этнографической группы татар-мишарей, которым, вероятно, и передало свой этноним. «Можары» русского произношения в татарском варианте звучали как «мижгары, мишар» (Орлов, 1992, с. 22). Мадьяры были зафиксированы в составе Ногайской орды (Трофимова, 1949, с. 125). Даже в середине XIX в. в казахском племени «аргын» был род «мадьяр». В 1965 г. в Тургайской области (Северный Казахстан) обнаружена этни-

ческая группа казахов численностью 900–950 человек, называвшая себя мадьярами (Шушарин, 1997, с. 166).

В связи с ранней этнической историей венгров бесспорный интерес вызывает бытование этникона «савар(т)» в разных вариантах и в разных регионах на протяжении длительного периода истории. Первоначально этникон «савыр-савир-савар(т)» принадлежал, видимо, протомадьярам – населению саргатской археологической общности. Позднее он мог переходить и на новые родоплеменные объединения, которые возникали вследствие происходивших этнополитических событий. Вероятно, значительная часть предков «мадьяр-савар(т)-савир» в составе гуннского межплеменного объединения оказалась в Приазовье («Меотиде») и Северо-Западном Прикаспии (савиры V–VII вв.). Не позднее IX в. наряду с болгарами савиры («с-в-р» арабских авторов) мигрировали в Среднее Поволжье. Смена этнонима «саварт» на «мадьяр», видимо произошла у той группы венгров, которая мигрировала на запад. Этноним «сувар» имело племенное объединение, которое участвовало в формировании населения Волжской Булгарии. Чувашские ученые связывают с ним происхождение своего народа и его самоназвание. Три четверти тюркских заимствований венгерского языка сходны с чувашским языком по фонетике. Всего мадьяры заимствовали около 300 тюркских слов, когда уже существовали в качестве отдельной языковой общности (Шушарин, 1997, с. 205). Б.А. Серебренников отмечал удивительную близость объектных спряжений мордовского и угорских языков в группе, что нельзя объяснить общими корнями раннего этногенеза.

Он пришел к выводу о проникновении на территорию расселения мордвы языка какой-то угорской группы, который оказал сильное воздействие на ее язык (Серебренников, 1984, с. 169). Им мог быть только венгерский язык. Этнокультурная история Западной Сибири зафиксировала в легендах и преданиях сибирских татар этноним «сибыр, сипыр, сабир». Это было то население, с которым столкнулись тюрки при заселении лесной зоны Тоболо-Иртышья. Известно, что последние вступили с ними в контакты и некоторые группы сибирских татар в значительной мере связаны с ними происхождением. Народ «сюпар-ёх» упоминается и в хантыйском фольклоре (Успенская, 2007, с. 117–118). Этот факт не позволяет отождествлять хантов и сибиров. В. Н. Чернецов в свое время связывал с этим населением (угры-савыры) памятники, которые оставлены носителями саргатской археологической общности. Он указывает на связь этого названия с «савартами» Константина Багрянородного. Этот этноним выступает как имя прародительницы одной из двух фратрий обских угров (хантов и манси) – «мось», а также как синоним имени манси у хантов. В эвенкийском фольклоре земля «савыр» населена конным народом (Чернецов, 1953, с. 238–240). К названию этого народа восходит и наименование «Сибирь», которое первоначально относилось только к Тоболо-Иртышскому региону. Вероятно, этноним «мадьяр» был эндоэтнонимом, т.е. самоназванием этносоциальной общности, а «савир» (савар, савыр, сибир) аллоэтнонимом – именем, которым называли мадьяр другие народы. Не исключено, что первоначально, на раннем этапе воз-

никновения мадьярской общности, он мог быть и ее самоназванием.

Из достаточно противоречивых и неясных исторических сведений о ранних венграх до периода обретения ими родины в Подунавье можно определенно сказать, что их корни находятся в лесостепи Тоболо-Иртышья. Формирование этносоциальной общности мадьяр-венгров происходило в рамках саргатской археологической общности, которая сложилась к середине I первого тысячелетия до н.э. на местной основе, но под сильным влиянием ираноязычных степных кочевников. Вероятно, ее этнонимом – са-

моназванием являлся «савир» (савыр, саварт, сибир, сибыр, сипыр). После ее распада во второй четверти I тысячелетия образуются новые близкородственные группы. Этот этноним мог переходить и на них, если во главе их вставали наследники саргатской археологической общности. Первые группы этого населения, вероятно, попали в Восточную Европу в составе гуннской орды и локализовались, скорее всего, в Волго-Донском междуречье. К IX в. этноним «савир» перестает быть у них самоназванием в связи с созданием нового этнополитического союза племен во главе с «мадьярами».

ЛИТЕРАТУРА

1. *Агеева Р.А.* Страны и народы: происхождение названий. – М.: Наука, 1990. – 255 с.
2. *Аннинский С.А.* Известия венгерских миссионеров о татарах в Восточной Европе в XIII–XIV вв. // Исторический архив III. – М.; Л.: изд-во АН СССР, 1940. – с. 71–112
3. *Багаутдинов Р.С., Богачёв А.В., Зубов С.Э.* Праболгары на Средней Волге (у истоков истории татар Волго-Камья). – Самара: Самарский региональный фонд «Полдень XXII век», 1998. – 286 с.
4. *Багрянородный Константин.* Об управлении империей. – М.: Наука, 1991. – 494 с.
5. *Баскаков Н.А.* О происхождении этнонима «башкир» // Этническая ономастика. – М.: Наука, 1984. – с. 13–18.
6. *Боталов С.Г., Тидеман Е.В., Лукиных А.А., Вохменцев М.П.* Новые материалы исследований Большого Бакальского городища // Проблемы бакальской культуры: Материалы научно-практического семинара по проблемам бакальской культуры. – Челябинск: ООО «ЦИКР Рифей», 2008. – С. 6–40.
7. *Боталов С.Г.* Некоторые предварительные наблюдения по вопросам культурогенеза средневекового населения Среднего и Южного Зауралья // Культуры степей Евразии второй половины I тысячелетия н.э. Материалы к V Международной археологической конференции 25–28 ноября 2013 г. – Самара: АНО СНЦ РАН, 2013. – с. 8–10.
8. *Генинг В.Ф., Халиков А.Х.* Ранние болгары на Волге (Больше-Тарханский могильник). – М.: Наука, 1964. – 201 с.

9. Генинг В.Ф. Этнический субстрат в составе башкир и его происхождение // Археология и этнография Башкирии: материалы научной сессии по этногенезу башкир, май 1969 г. – Том. 4. – Уфа: Академия наук СССР, Отделение истории, Башкирский филиал; 1971. – С. 44–54.

10. Епимахов А.В. Радиоуглеродная хронология бакальской культуры (по материалам Большого Бакальского городища и городища Усть-Утяк-1) // Проблемы бакальской культуры. – Челябинск: ООО «ЦИКР Рифей», 2008. – С. 41–44.

11. Зах В.А. Городище Ласточкино Гнездо 1 в Нижнем Приишимье // Вестник археологии, антропологии и этнографии. – 2009. – № 11. – Тюмень: ИПОС СО РАН. – С. 67–80.

12. Зах В.А., Зимина О.Ю., Рябогина Н.Е. Радиоуглеродные даты археологических и природных комплексов Тоболо-Ишимья (по материалам Тоболо-Ишимской экспедиции ИПОС СО РАН) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. – 2011. – № 4. – Тюмень: ИПОС СО РАН. – С. 219–233.

13. Зах В.А., Цембалюк С.И. К вопросу о происхождении саргатской культуры в Притоболье // Вопросы истории Сибири. – Вып. 9. – Омск: ОМГПУ, 2014. – С. 89–95.

14. Иванов В.А. Древние угры-мадьяры в Восточной Европе. – Уфа: «Гилем», 1999. – 122 с.

15. Корякова Л.Н. Ранний железный век Зауралья и Западной Сибири (саргатская культура). – Свердловск: Уральский университет, 1988. – 239 с.

16. Круглов Е.В. Памятники авиловского типа и проблема их этнокультурной атрибуции // Вопросы этнической истории Волго-Донья в эпоху средневековья и проблема буртас. – Пенза, 1990. – С. 46–50.

17. Круглов Е.В. К проблеме формирования хазарской этносоциальной общности // Вопросы этнической истории Волго-Донья. – Пенза: АО «Поволжье», 1992. – С. 32–37.

18. Кузеев Р.Г. Об историческом соотношении территорий «Великой Венгрии» и древней Башкирии // Этнография Башкирии. – Уфа: БФАН СССР, 1976. – С. 5–11.

19. Лифанов Н.А. Исследование селища Ош-Пандо-Нерь и Шелехметского II могильника в 2001–2002 г. // Краеведческие записки. – Вып. XII. – Самара: ООО «Глагол», 2005. – С. 67–75.

20. Могильников В.А. Об этническом составе культур Западной Сибири эпохи раннего железа // Этнокультурные процессы. – Томск: Томский государственный университет, 1983. – С. 77–90.

21. Новосельцев А.П. Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа. – М.: Наука, 1990. – 264 с.

22. Орлов А.М. Мещера, мещеряки, мишаре. – Казань: Татарское книжное издательство, 1992. – 111 с.

23. Путешествие Ахмеда Ибн-Фадлана на р. Итиль и принятие в Булгарии ислама. Ред. Р. Абдулин. – М.: «Мифи-Сервис», 1992. – 92 с.
24. *Расторопов А.В.* Комплекс памятников эпохи раннего средневековья у села Шелехметь на территории Волжского района Самарской области // Материалы по истории и археологии России. – Т. 2. – Рязань: «Александрия», 2012. – С. 110–120.
25. *Рафикова Т.Н.* Кушнаренковские и караякуповские комплексы лесостепного Зауралья // Вопросы истории Сибири. – Вып. 9. – Омск: ОМГПУ, 2014. – С. 111–118.
26. *Серебрянников Б.А.* Исторические загадки // Советское финноугроведение. – 1984. – № 3. – М.: Наука. – С. 69–72.
27. *Сташенков Д.А.* Раскопки памятников эпохи раннего средневековья на севере Самарской области // Археологические открытия 1999. – М.: Наука, 2001, – С. 210–211.
28. *Сташенков Д.А., Турецкий М.А.* Погребение эпохи раннего средневековья у хутора Лебяжинка (К вопросу об этнокультурной ситуации в Самарском Поволжье в IX в.) // Вопросы археологии Поволжья. – Вып. 1. – Самара: САМГПУ, 1999. – С. 289–305.
29. *Сташенков Д.А.* Население Самарского лесостепного Поволжья I–V вв. н.э. Автореф. дис... канд. ист. наук. – Казань, 2007. – 25 с.
30. *Сташенков Д.А.* Об особенностях погребального обряда населения Самаро-Симбирского Поволжья Хазарской эпохи // Культуры степей Евразии второй половины I тысячелетия н.э. Материалы к V Международной археологической конференции 25–28 ноября 2013 г. – Самара: АНО СИЦ РАН, 2013. – С. 78–91.
31. *Трофимова Т.А.* Этногенез татар Поволжья в свете данных антропологии / Труды института этнографии: Новая серия. – Т. 7. – М.; Л.: Академия Наук, 1949. – 264 с.
32. *Успенская С.С.* Этническая идентификация народа ханты в фольклоре // Вестник Томского государственного университета. – № 3 (66). Томск: Томский государственный университет, 2007. – С. 155–161.
33. *Чернецов В.Н.* Усть-Полуйское время в Приобье // Материалы и исследования по археологии СССР. – № 35. – М.: Наука, 1953. – С. 221–241.
34. *Шарафутдинова А.Г.* Включённость иранского, тюркского факторов в палеолингвистическое изучение этноязыковой ситуации Волго-Камья и прилегающих к нему территорий // Вестник Удмуртского университета. – 2005. – № 5. – Ижевск: Удмуртский государственный университет. – С. 191–198.
35. *Шушарин В.П.* Ранний этап этнической истории венгров. – М.: Наука, 1997. – 512 с.

Информация об авторе:

Расторопов Александр Васильевич, кандидат исторических наук, независимый археолог (г. Самара, Россия); rastoropov-av@mail.ru

ISSUES OF EARLY ETHNIC HISTORY OF THE HUNGARIANS-MAGYARS

A.V. Rastoropov

On the basis of archaeological and written sources and linguistic studies, the issues of Hungarians' early ethnic history before they found their homeland on the Danube are analyzed in the article. The ethnic core of the Magyars (proto-Magyars) was formed in the Tobol-Irtysh forest-steppe zone within the Sargat archaeological community. After the split of the latter in the 2nd quarter of the 1st millennium, a part of the population migrated to the southern areas of Eastern Europe with the Hun Horde. The remaining component groups of the Sargatskaya archaeological community formed closely related ethno-cultural entities, mixing up with the forest population of the border zone. In written sources, the ancestors of Magyars are fixed as the Savirs (Savyrs, Savarts). For the first time, they are mentioned in the works by Byzantine authors after the collapse of the Hun ethno-political union in the mid-5th c. The Savirs inhabited the territory of the Volga-Don interfluvium and had stayed under the aegis of the Khazar Khaganate since its formation in the mid-7th c. and until the Pecheneg intrusion from the Trans-Volga steppes in the late 9th c. Later, the Savirs got divided, and a part of them, led by the Magyars, resettled to the Northern Black Sea area, and soon to Pannonia. The groups of population closely related to them, who had left the Kushnarenkovo-type (2nd half of the 6th c.) and the Karayakupovo-type (2nd half of the 8th c) sites, moved from the trans-Urals to the Volga-Urals regions. Ultimately, they mixed up and dissolved in the alien cultural medium, as well as the related Bakalskaya culture population in southern forest steppe of the Trans-Urals

Keywords: archaeology, forest steppe Tobol-Irtysh area, the Sargat archaeological community, the Volga-Urals region, the Volga-Don area, Khazar Khaganate, the Savirs, the Magyars, the Huns, the ancient Turks, the Bashkirs.

REFERENCES

1. Ageeva, R. A. 1990. *Strany i narody: proiskhozhdenie nazvanii (Countries and People: Origin of Names)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
2. Anninskii, S. A. 1940. In *Istoricheskii arkhiv (Historical Archive)* III. Moscow; Leningrad: Academy of Sciences of the USSR, 71–112 (in Russian).
3. Bagautdinov, R. S., Bogachev, A. V., Zubov, S. E. 1998. *Prabolgary na Srednei Volge (u istokov istorii tatar Volgo-Kam'ia) (Pre-Bulgars at the Middle Volga (at the Origins of the History of Volga-Kama Tatars))*. Samara: "Samarskii regional'nyi fond «Polden', XXII vek'»" Publ. (in Russian).
4. Constantine Porphyrogenitus. 1991. *Ob upravlenii imperiei (De Administrando Imperio)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
5. Baskakov, N. A. 1984. In *Etnicheskaia onomastika (Ethnic Onomastics)*. Moscow: "Nauka" Publ., 13–18 (in Russian).

6. Botalov, S. G., Tideman, E. V., Lukinykh, A. A., Vokhmentsev, M. P. 2008. In *Problemy bakal'skoi kul'tury (Issues of the Bakalskaya Culture)*. Chelyabinsk: «TsIKR Rifey» LLC. Publ., 6–40 (in Russian).
7. Botalov, S. G. 2013. In *Kul'tury stepei Evrazii vtoroi poloviny I tysiacheletia n.e. (Steppe Cultures of Eurasia in the Second Half of the I Millennium AD)* Samara: Samara Scientific Center, Russian Academy of Sciences, 8–10 (in Russian).
8. Gening, V. F., Khalikov, A. Kh. 1964. *Rannie bolgary na Volge (Bol'she-Tarkhanskii mogil'nik) (The Early Bulgars on the Volga (the Bol'shie Tarkhany burial ground))*. Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).
9. Gening, V. F. 1971. In *Arkheologiya i etnografiya Bashkirii (Archaeology and Ethnography of Bashkiria)* 4. Ufa: Academy of Sciences of the USSR, Department of History, Bashkir Branch, 44–54 (in Russian).
10. Epimakhov, A. V. 2008. In *Problemy bakal'skoi kul'tury (Issues of the Bakalskaya Culture)*. Chelyabinsk: «TsIKR Rifey» LLC. Publ., 41–44 (in Russian).
11. Zakh, V. A. 2009. In *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii (Bulletin of Archaeology, Anthropology and Ethnography)* (11). Tyumen: Institute for Problems Development of the North, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, 67–80 (in Russian).
12. Zakh, V. A., Zimina, O. Yu., Riabogina, N. E. 2011. In *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii (Bulletin of Archaeology, Anthropology and Ethnography)* (4). Tyumen: Institute for Problems Development of the North, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, 219–233 (in Russian).
13. Zakh, V. A., Tsembaliuk, S. I. 2014. In *Voprosy istorii Sibiri (Issues of the History of Siberia)* 9. Omsk: Omsk State Pedagogical University, 89–95 (in Russian).
14. Ivanov, V. A. 1999. *Drevnie ugry-mad'iary v Vostochnoi Evrope (The Ancient Ugro-Magyars in Eastern Europe)*. Ufa: “Gilem” Publ. (in Russian).
15. Koriakova, L. N. 1988. *Rannii zheleznyi vek Zaural'ia i Zapadnoi Sibiri (sargatskaia kul'tura) (The Early Iron Age of Trans-Urals and Western Siberia: the Sargatskaya Culture)*. Sverdlovsk: Ural State University (in Russian).
16. Kruglov, E. V. 1990. In *Voprosy etnicheskoi istorii Volgo-Don'ia i problema burtasov (Issues of Ethnic History of the Volga-Don Region and the Burtas Problem)*. Penza, 46–50 (in Russian).
17. Kruglov, E. V. 1992. In *Voprosy etnicheskoi istorii Volgo-Don'ia (Issues of Ethnic History of the Volga-Don Region)*. Penza: “Povolzh'e” Publ., 32–37 (in Russian).
18. Kuzeev, R. G. 1976. In *Etnografiya Bashkirii (Ethnography of Bashkiria)*. Ufa: Academy of Sciences of the USSR, Bashkir Branch 5–11 (in Russian).
19. Lifanov, N. A. 2005. In *Kraevedcheskie zapiski (Notes on Local History)* XII. Samara: “Glagol” Ltd. Publ., 67–75 (in Russian).
20. Mogil'nikov, V. A. 1983. In *Etnokul'turnye protsessy (Ethno-Cultural Processes)*. Tomsk: Tomsk State University, 77–90 (in Russian).

21. Novosel'tsev, A. P. 1990. *Khazarskoe gosudarstvo i ego rol' v istorii Vostochnoi Evropy i Kavkaza (Khazarian State and Its Role in the History of Eastern Europe and Caucasus)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
22. Orlov, A. M. 1992. *Meshchera, meshcheriaki, mishare (The Meshchera, the Mashcheryaki, the Mishars)*. Kazan: "Tatarskoe knizhnoe izdatel'stvo" Publ. (in Russian).
23. Abdulin, R. (ed.). 1992. *Puteshestvie Akhmeda Ibn-Fadlana na r. Itil' i priniatie v Bulgarii islama (The Travel of Ahmad Ibn Fadlan to the Itil River and Adoption of Islam in Volga Bulgaria)*. Moscow: "Mifi-Servis" Publ. (in Russian).
24. Rastoropov, A. V. 2012. In *Materialy po istorii i arkhologii Rossii (Proceedings on History and Archaeology of Russia)* 2. Ryazan: "Aleksandriia" Publ., 110–120 (in Russian).
25. Rafikova, T. N. 2014. In *Voprosy istorii Sibiri (Issues of History of Siberia)* 9. Omsk: Omsk State Pedagogical University, 111–118 (in Russian).
26. Serebrennikov, B. A. 1984. In *Sovetskoe finnougrovedenie (Soviet Finno-Ugric Studies)* 3. Moscow: "Nauka" Publ., 69–72 (in Russian).
27. Stashenkov, D. A. 2001. In *Arkheologicheskie otkrytiia 1999 goda (Archaeological Discoveries of 1999)*. Moscow: "Nauka" Publ., 210–211 (in Russian).
28. Stashenkov, D. A., Turetskii, M. A. 1999. In *Voprosy arkhologii Povolzh'ia (Issues on Archaeology of the Volga Region)* 1. Samara: Samara State Pedagogical University, 289–305 (in Russian).
29. Stashenkov, D. A. 2007. *Naselenie Samarskogo lesostepnogo Povolzh'ia I–V vv. n.e. (Population of the Samara Forest-steppe Volga Region in the 1st–5th Centuries A.D.)* PhD Thesis. Kazan (in Russian).
30. Stashenkov, D. A. 2013. In *Kul'tury stepei Evrazii vtoroi poloviny I tysyacheletii n.e. (Steppe Cultures of Eurasia in the Second Half of the I Millennium AD)*. Samara: Russian Academy of Sciences, Samara Scientific Center, 78–91 (in Russian).
31. Trofimova, T. A. 1949. In *Trudy instituta etnografii: Novaia seriia (Proceedings of the Institute for Ethnography: New Series)* 7. Moscow; Leningrad: Academy of Sciences of the USSR (in Russian).
32. Uspenskaia, S. S. 2007. In *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta (Bulletin of the Tomsk State University)* 66 (3). Tomsk: Tomsk State University, 155–161 (in Russian).
33. Chernetsov, V. N. 1953. In *Materialy i issledovaniia po arkhologii SSSR (Proceedings and Research on the USSR Archaeology)* 35. Moscow: "Nauka" Publ., 221–241 (in Russian).
34. Sharafutdinova, A. G. 2005. In *Vestnik Udmurtskogo universiteta (Bulletin of Udmurt University)* (5). Izhevsk: Udmurt State University, 191–198 (in Russian).

35. Shusharin, V. P. 1997. *Rannii etap etnicheskoi istorii vengrov. Problemy etnicheskogo samosoznaniia (Early Stage of the Ethnic History of Hungarians. Issues of Ethnic Self-Conscience)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

About the Author:

Rastoropov Aleksandr V. Candidate of Historical Sciences. Samara, Russian Federation; rastoropov-av@mail.ru